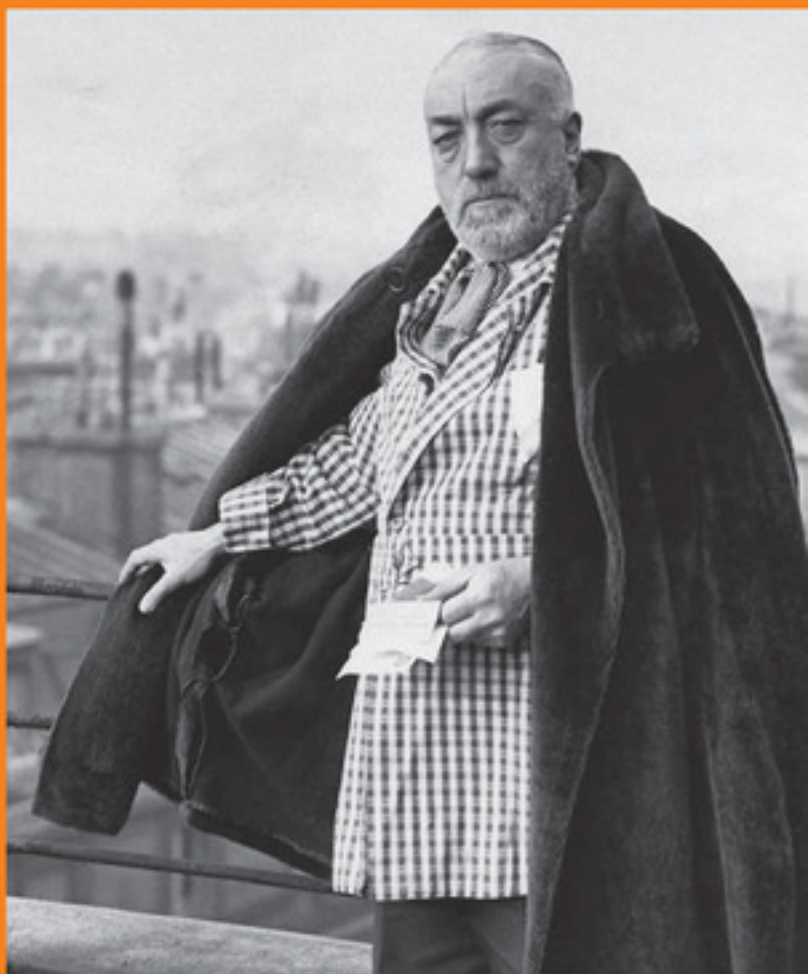

ОДЕВАЯ ЭПОХУ Поль Пуаре

*Paul
Poiret*

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЬЕВА»

Memoires de la mode от Александра Васильева

Поль Пуаре
Одевая эпоху

«Этерна»

1930

Пуаре П.

Одевая эпоху / П. Пуаре — «Этерна», 1930 — (Memoires de la mode от Александра Васильева)

Вы держите в руках уникальную книгу, которая три четверти века шла к русскому читателю. Поль Пуаре – абсолютный гений своего дела, величайший из великих парижских кутюрье XX века. Знаменитая книга «императора парижской моды» впервые вышла в Париже в 1930 году и облетела в переводах весь земной шар. Наконец-то она появилась и на русском языке! Поль Пуаре в годы написания своих мемуаров уже сошел с Олимпа большой моды и не случайно назвал их – «Одевая эпоху». Более точного названия и придумать было невозможно - именно эпоху! – целое поколение прекрасных дам, небожительниц belle époque одевал он, делая это изысканно и элегантно.

© Пуаре П., 1930

© Этерна, 1930

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
I. Молодость	12
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Поль Пуаре Одевая эпоху

Серия «Mémoires de la mode от Александра Васильева»

Paul Poiret. En habillant l'époque

Серия «Mémoires de la mode от Александра Васильева» основана в 2008 году

Благодарим Кристиана Дюме-Львовского (Париж) за содействие в издании книги

Предисловие, научное редактирование и фотографии из личного архива Александра Васильева

Дизайн серии – Александр Архутик

Сканирование, обработка фотографий и цветокоррекция: А. Е. Комаров

На переплете – Поль Пуаре, Париж, 1930 – Александр Васильев, Москва, 2007. Фото Джеймса Хилла

© Editions Grasset et Fasquelle, 1978

© Н. Ф. Кулиш, перевод на русский язык, 2011

© А. А. Васильев, предисловие, фотографии из личного архива, 2011

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2011

Предисловие к русскому изданию

Удивительный мир Поля Пуаре

Вы держите в руках уникальную книгу, которая три четверти века шла к русскому читателю. ПОЛЬ ПУАРЕ – абсолютный гений своего дела, величайший из великих парижских кутюрье XX века. Знаменитая книга «императора парижской моды» впервые вышла в Париже в 1930 году и облетела в переводах весь земной шар. Наконец-то она появилась и на русском языке!

Поль Пуаре в годы написания своих мемуаров уже сошел с Олимпа большой моды и не случайно назвал их – «Одевая эпоху». Более точного названия и придумать было невозможно – именно эпоху! – целое поколение прекрасных дам, небожительниц *belle époque* одевал он, делая это изысканно и элегантно. Кто только у него не учился, кто только ему не подражал и не завидовал? Сын парижского торговца тканями в районе «Чрева Парижа»¹ и довольно строгой и целеустремленной мамы, мечтавшей сделать из сына не кутюрье, а зонтичного мастера, Поль Пуаре был очень способным юношей. В детстве он одевал куклу, подаренную ему сестрами. Вероятнее всего, этот интерес к созданию одежды был генетически унаследован. Ведь и две его сестры – модельер Николь Пуаре-Грульт и шляпница Пансон – также сделали заметные карьеры в мире моды. Правда, их отношения никогда не были близкими, то ли от зависти, то ли от чувства превосходства талантливого брата над ними. Одна из сестер, Мари Пуаре, выйдя замуж за антиквара и декоратора Андре Грульта, стала называть себя Николь Грульт. Ее увлечение создавать платья проявилось еще в 1908 году, но она отказалась помогать гениальному Полю Пуаре в его Доме, предпочтя собственный путь, держала в Париже свой Дом моды с 1911 по 1935 год, пытаясь конкурировать с собственным братом, что не способствовало дружественным отношениям в этой непростой семье.

Ранний взлет Поля Пуаре был поистине фантастичным. Пройдя школу Жака Дусе, выходца из старинной семьи потомственных портных, изысканного и тонкого кутюрье *belle époque*, Пуаре проникся духом Высокой моды. Не только прекрасные клиентки Дусе, его роскошные муслиновые платья в розоватых тонах, но и великолепная коллекция живописи и мебели XVIII столетия, собранная Дусе, стала той культурной средой, которая сформировала талант юного кутюрье. Покинув Дусе, Поль Пуаре отправился на год в армию, а потом в Дом Ворта, самый старинный из всех модных домов *haute couture*, основанный еще при Наполеоне III в 1857 году. Старика Чарльза Ворта уже не было в живых, но Пуаре работал с его сыновьями Жаном Филиппом и Гастоном Люсьеном. Не будучи наделенными таким же большим дарованием, как их великий отец, они пригласили молодого Пуаре для обновления крови великого Дома на *rue de la Paix*, в дом номер 7.

Пуаре создал для Дома Ворта костюмы-«тайеры»², дневные платья и манто, прославившие его. Работа молодого мастера с верхней одеждой считалась в ту пору не очень престижной, ведь дамы больше времени проводили в интерьерах, а не на улицах. Русскому читателю будет любопытно прочитать о встрече молодого кутюрье с княгиней Барятинской, одевавшейся в те годы у Ворта. Княгиня была строга и взыскательна, а молодой кутюрье после этой встречи приобрел нужный опыт общения с русской взбалмошной аристократией. Окрыленный первым успехом у Ворта, уже через два года Пуаре уходит от него и на занятые у своей матери деньги в

¹ Так назывался парижский рынок, возникший еще в XIII веке. Именно вокруг него располагались так называемые «дворы чудес» – притоны парижского дна. В 1960-е годы XX века тут разбили красивый сквер, а под ним создали многоэтажный подземный магазин.

² Женский классический костюм состоял из прямой юбки и жакета на подкладке с воротником и лацканами. Впервые подобные костюмы появились в 1780-е годы и носили название «портновских костюмов», или костюм-«тайер», т. к. их шили не модистки, а мужские портные. В женскую моду такие костюмы вошли в 1880-е годы.

сентябре 1903 года отрывает в Париже свою фирму, на улице Обер, в доме номер 5, недалеко от Гранд-опера. Его успех был молниеносным, благодаря хорошо подобранным, профессиональным сотрудникам и старым клиенткам из Домов Дусе и Ворта. К этому периоду относятся редкие рисунки моделей, сделанные рукой Поля Пуаре, из моей личной коллекции, которые впервые опубликованы в этом издании.

Пуаре вошел в историю как великий реформатор: он изменил силуэт, ввел в моду новую красочную гамму тканей для дамского платья, набивные ткани, новые сочетания, индивидуализировал парфюмерные запахи и в результате раскрепостил женщину, освободив ее от оков многовековых предрассудков. Кутюрье создал нечто гораздо большее, чем новый костюм – он создал новый образ жизни, новый стиль, который царил в Европе и Америке более десяти лет, до начала 1920-х годов. Безусловно, именно Поль Пуаре в 1906 году первым освободил женщину от корсета с утягивающей талией, перенес ее под грудь, тем самым «удлинив» ноги и создав более стройный и изысканный образ. «Женское движение борется за свободу, а я даю женщинам свободу движения», – писал он на страницах своего журнала «Езет дю Бон Тон». Платье Пуаре держится на плечах («древнегреческих опорных точках»), от них одежда легко ниспадает, открывая щиколотки, ткань играет, движется. Несколько деталей – пуговица, шаль, пояс ниже талии – помогают держать платье. Освободив женщину от многовекового панциря, Пуаре поставил перед ней более серьезную задачу – худеть. Стройная, худощавая женщина остается идеалом и по сей день.

В 1905 году музой Поля Пуаре стала его жена Дениза, урожденная Буле, юная, черноволосая, тонкая, без корсета, свободная от макияжа и пудры. «Как здорово, – признавалась она, – найти мужчину, который, будучи вашим супругом, еще и одевает вас так, будто вы явились из волшебной страны». Супруги создали то, что без преувеличения следует назвать творческим тандемом. Каждый выход Денизы Пуаре в модные места ожидался, освещался прессой и обсуждался парижанами. И в каждом выходе был привкус эпатажа, часто на грани скандала. В этом, кстати, выразился новый, интуитивно найденный подход к рекламе, используемый и по сей день. А новинки сыпались словно из рога изобилия, то юбка-кий, то юбка-брюки. В это время Пуаре становится самым знаменитым и успешным кутюрье мира, его считают скорее художником, творцом, а не просто поставщиком модных нарядов, как это бывало ранее с другими парижскими кутюрье.

Поль и Дениза Пуаре вошли в историю моды и как организаторы грандиозных костюмированных праздников, проводившихся ежегодно, каждый на свою тему. Самым экзотичным и роскошным стало празднество 24 июня 1911 года под названием «Тысяча вторая ночь». Сам Пуаре играл роль восточного султана, а Дениза – шахини. Газеты писали: «Одалиски из гарема Пуаре вызвали такой восторг у наших дам, что теперь даже почтенные супруги политиков готовы были бросить все и уехать к турецкому султану, лишь бы иметь такие наряды».

В костюмах этих праздников, автором которых был, разумеется, сам мэтр, сказалось влияние Дягилевских балетов, колористики Бакста и течения ориентализма, что прослеживается в творчестве Пуаре после премьеры фокинской «Шехерезады» в 1910 году, где присутствовал сам кутюрье. Он и потом не пропускал ни одного Дягилевского балета, даже сохранилось платье Денизы, созданное к премьере балета Вацлава Нижинского на музыку Игоря Стравинского «Весна священная» в театре Елисейских Полей. Но следует отметить, что постоянное сравнение Пуаре с Бакстом очень нервировало и раздражало кутюрье, и всякий раз он подчеркивал, что создал себе имя задолго до «Русских сезонов» Сергея Павловича Дягилева.

Однако влияние России на творчество мастера вовсе не ограничилось эхом балетной сцены. Привлеченный блеском русского двора и стремясь расширить клиентуру, осенью 1911 года Поль Пуаре вместе с группой манекенщиц отправился с показами по городам Восточной Европы, включая Варшаву, Москву и Санкт-Петербург. Москву он полюбил! Причиной тому стала его дружба с выдающейся московской создательницей мод – Надеждой Петровной Лама-

новой, которую Пуаре знал по Парижу. Судя по его воспоминаниям, Ламанова хорошо накормила кутюрье и показала ему Кремль, Шукинский музей современной живописи и блошинный рынок на Сухаревке. Пуаре был в восторге от народных русских костюмов – сарафанов, косовороток, кокошников, кичек, шалей и платков – и привез их в Париж изрядное количество. По возвращении во Францию цветы и орнаменты ярких русских изделий вдохновили кутюрье на создание коллекции платьев на русскую тему – первой в мире. Эта коллекция под названием «Казань» «русских» вышивок и уборов, сапог и сарафанов, нескольких платьев под одноименным названием, сохраненная стараниями супруги и детей Пуаре, ушла с молотка в Париже в мае 2005 года. Несколько лотов на том историческом аукционе удалось приобрести и автору этих строк: русские платки и вышивки, подаренные Полю Пуаре Н. П. Ламановой, русское льняное платье, ставшее прототипом для знаменитой коллекции «Казань», и несколько детских платьев в русском стиле, сшитых в мастерских Поля Пуаре по возвращении из России.

И как грустно сознавать, что ни один отечественный музей даже не подумал приобрести в свою коллекцию какой-нибудь экспонат из тех, которые составляют предмет гордости национальной моды. Ведь мода на русское в одежде пришла к нам от Поля Пуаре, а ее отголосками были работы Ламановой и многочисленных домов моды русских эмигрантов в Париже 1920-х годов! Необходимость создания Музея национальной моды назрела давно, он должен стать и справочным центром, и практической лабораторией для тысячи российских авторов, работающих с текстилем. Собрании народного костюма и дворцового платья являют собой лишь два сегмента истории стиля, они не в состоянии заполнить огромную лауну. Собрании городского модного костюма XX века, созданных известными кутюрье мира, в России нет. Начинать создание такого музея следует уже сейчас, собирая, приобретая, реставрируя предметы моды XX века, в том числе и работы Поля Пуаре.

Талант Поля Пуаре состоял и в великолепном выборе сотрудников. В 1910-е годы Пуаре тесно сотрудничает с прекрасным французским художником-графиком Раулем Дюфи. В 1912 году на работу приходит прекрасный испанский художник-иллюстратор Хосе де Замора, а в 1913-м мастер принимает к себе в Дом русского художника – Романа Тыртова, петербуржца и сына адмирала, широко прославившегося в Европе и Америке в 1920-е годы под псевдонимом Эрте. Эрте рисует для Пуаре юбку-абажур и оттачивает свое мастерство непревзойденного иллюстратора мод стиля *art deco*. Несмотря на последующие разногласия и даже судебное разбирательство, связанное с использованием Эрте имени Поля Пуаре на своих изделиях в годы Первой мировой войны, сам художник в своих воспоминаниях «Вещи, о которых я помню» очень тепло пишет о таланте Пуаре. Мэтр продавал свои платья многим русским клиенткам, часть из его уникальных платьев были куплены в России после исторического показа в 1911 году, и некоторые из них хранятся сейчас в коллекции платьев Эрмитажа в Санкт-Петербурге.

Знаменитый эксцентричный князь Феликс Юсупов тоже был горячим поклонником творчества Поля Пуаре и, судя по его воспоминаниям, обставил свою лондонскую квартиру исключительно мебелью и коврами работы ателье «Мартин», дочернего предприятия кутюрье, создававшего убранство интерьеров. Стиль Пуаре был очень любим в предреволюционной России, и одна русская модница писала в 1917 году для журнала «Столица и усадьба»: «Покачиваясь на восьмисантиметровых каблучках сторублевых ботинок, в самом простеньком туалете, фасона *chemise*, чуть-чуть вышитом старым серебром (модель Пуаре), гладко причесанная, она похожа на подростка, такая невинная, трогательно-простая, когда говорит поклонникам: “Видите, я тоже борюсь с роскошью, это, право, совсем не трудно”».

О невероятной популярности стиля Поля Пуаре в России свидетельствует также и роман известного французского писателя Ромена Гари «Обещание на рассвете», где автор описывает свои детские годы в польском городе Вильно. Именно там его мать, бывшая актриса, открыла псевдофилиал Поля Пуаре на улице Погулянка. Там она продавала вольные копии его моделей без всякого разрешения из Парижа. Дело шло довольно успешно, пока клиентки не усомни-

лись в аутентичности платьев. Они потребовали встречи с великим мэтром моды. Находчивая предпринимательница уговорила французского кондитера-булочника, работавшего неподалеку, предстать перед недоверчивыми клиентами в виде Поля Пуаре, что и было сделано, и на какое-то время репутация «дома» была спасена. Есть и другое свидетельство нашей соотечественницы, красавицы и фотомодели Ии Григорьевны Ге, в замужестве леди Абди, которым она поделилась в личной беседе со мною: «Я познакомилась с Полем Пуаре сразу после свадьбы в 1923 году. Мое первое платье после замужества я заказала ему. Это было длинное коричневое бархатное платье с подвесками на низкой талии. Пуаре заинтересовался мною в то время, когда меня в Париже еще никто не знал». О показах Поля Пуаре в Париже пишет в своих эссе и писатель Максимилиан Волошин, а известная русская художница с Монпарнаса Мария Васильева создает скульптурный портрет кутюрье в виде большой куклы. Впоследствии Поль Пуаре станет принимать к себе на работу и русских манекенщиц – беженок от революции. Так, уже в 1920-е годы у него работала русская манекенщица баронесса Кира фон Медем, в замужестве Кира Середа. Во время встречи со мною в Монморанси она вспоминала: «Поль Пуаре хотел, чтобы я к нему поступила, и дал примерить свое платье. Но затем сам его надел и стал показывать, как надо его демонстрировать». Несколько позднее к Пуаре поступила очаровательная Ксения (Киса) Куприна, дочь знаменитого писателя. В своих воспоминаниях она пишет о работе в его Доме: «Он заставлял манекенщиц выстраиваться в полукруг и долгим тяжелым взглядом рассматривал каждую. Потом, остановившись возле одной из них, вдруг делал жест, как бы отгоняя муху. Это значило, что эту девушку выгоняют». Затем Ксения продолжает: «Новые модели создавались каждые шесть месяцев. Приходилось часами стоять на помосте, и модельеры драпировали на нас ткани, кружева, ленты, кроили, закалывали, как на деревянных манекенах. Часто от усталости девушки падали в обморок». Затем Кису выбрали в числе двенадцати манекенщиц для гастрольной поездки в Берлин с показом моделей Пуаре в театре «Die Comedie». Специально для этого турне кутюрье создал коллекцию пальто в ярко-желтую и зеленую полоску, которые символизировали новую тенденцию в его творчестве – простоту в крое и геометрию в орнаменте. Он решил показать свою новую коллекцию еще до вечернего дефиле в одном из берлинских кафе, тем самым сорвал контракт и попытка ретироваться со своими девушками-манекенщицами.

К. А. Куприна вспоминала: «Собрав всех у себя в комнате, он предложил нам тайно вынести чемоданчики и бежать, не уплатив по счету. Манекенщицы подняли бунт: было совершенно ясно, что незаметно уехать двенадцати девушкам, одетым специально, чтобы привлечь внимание, невозможно. В конце концов, все устроилось, и мы уехали».

В тот же период для Поля Пуаре работала русская манекенщица графиня Наталья Николаевна Сумарокова-Эльстон, урожденная Велик, а в каннском отделении Дома в конце 1920-х годов служила манекенщица Билли Бибилова, впоследствии известная парижская модель. В 1928-м к нему поступила манекенщицей Елена Львовна Булацель-Руссель, но по ее воспоминаниям: «Пуаре уже тогда пел свою “лебединую песню”». Сохранилось несколько фотографий Е. Л. Булацель-Руссель в моделях Поля Пуаре времен его творческого эпилога. Причиной упадка Поля Пуаре в 1920-е годы были изменения стиля в женской одежде в связи с женской эмансипацией и ритмом жизни. Новая мода была более короткой, прямолинейной, с талией на бедрах, предложенной мэтром раньше времени еще в 1910-е. К тому же, межвоенное время породило множество новых имен в мире моды. Многолетний ассистент Поля Пуаре – Альфред Ленъиф – открыл свой собственный Дом моды, где в 1920-е годы тиражировал идеи своего мастера. В них чувствовались эстетические принципы построения модного костюма с использованием лама, парчи и элементов этнического, часто восточного, кроя. Особой популярностью в то время у клиентов пользовались работы Домов моды «Ланвен», «Вионне», «Пату», «Сестры Калло». Но самым заклятым недругом Пуаре становится Шанель. Ей претил успех довоенного «императора парижских мод», а сам Пуаре не мог перенести ее маленьких чер-

ных платьев. В пике Пуаре, чьи авторские духи фирмы «*Rosine*.» пользовались большим спросом, в 1921 году Шанель выпускает свой первый аромат «*Chanel № 5*», придуманные для нее московским парфюмером Эрнстом Бо. Свидетельством вражды Шанель и Пуаре была известная встреча двух кутюрье в фойе Гранд-опера. Поль Пуаре, увидав Шанель, обратился к ней с вопросом: «Мадемуазель Шанель, Вы вечно в черных платьях. Это что, траур?» А Шанель ответила: «Да, по Вам!»

Настоящий финансовый упадок Пуаре начался в 1924 году и усугубился в 1925-м, когда во время международной выставки *ait déco* Пуаре отказался выставлять свои модели в общем павильоне рядом с коллегами по цеху, другими парижскими кутюрье. Чтобы подчеркнуть свою особую эксклюзивность, Пуаре на свои деньги сооружает на Сене три баржи, где устраивает шоу-румы своих Домов: парфюмерии «Розин», мебели «Мартин» и его платьев. Но продажа билетов на баржи и интерес к платьям не окупил грандиозных затрат, и Полю Пуаре пришлось продавать акции своего Дома, что впоследствии и привело к полному банкротству. Ему пришлось продать свой особняк в Париже и коллекцию уникальных произведений современного искусства, полотна Ван Донгена и скульптуры Бранкузи. Следствием финансовых неудач и стресса станет и развод с любимой женой Денизой, матерью его четверых детей. В 1927 году Пуаре закрывает свой знаменитый Дом моды, переезжает в Канны, где продолжает создавать более скромные коллекции. В 1933-м кутюрье выпускает весенне-летнюю коллекцию для большого парижского универмага «*Printemps*» и окончательно закрывает свои Дома в Париже и Каннах в 1934 году. Совершенно разоренный, Поль Пуаре принимается за живопись, думая, что ею сможет поправить финансовое положение. Он пишет пейзажи маслом, чуть наивные, но искренние и милые. В моей личной коллекции есть две подписные живописные работы Поля Пуаре того периода, одна из которых опубликована в этом издании впервые. Продажу своих живописных работ он чередует с торговлей вином, развозя на велосипеде бутылки марочных вин по элитным ресторанам Лазурного Берега. Время безжалостно к нему, но наперекор всем Пуаре пишет в 1930-е годы три знаменитые книги: «Одевая эпоху», «Мода и финансы» и «Возвращайтесь!», которые позволили ему слегка поправить шаткое денежное положение, усугубленное необходимостью платить за содержание своей семье. Поля Пуаре приглашают читать лекции в Сорбонну, театры изредка заказывают сценические костюмы.

С началом Второй мировой войны Поль Пуаре перебирается в Париж, где записывается на биржу труда. В анкете безработного, в графе о предыдущем месте работы он пишет: «Поль Пуаре», и юный клерк отказывается принимать эту неполную информацию. По легенде, великий кутюрье ответил по этому поводу: «Мне жалко народ, который не помнит своих героев!»

Поль Пуаре умирает в оккупированном Париже 28 апреля 1944 года в полном забвении.

Однако уже с конца 1950-х годов начинается возрождение интереса публики к творчеству Поля Пуаре. И что неожиданнее всего, этот интерес был спровоцирован его вдовой, Денизой, устроившей первую ретроспективную выставку его моделей. Музеи моды мира начинают каталогизировать модели с грифом *Paul Poiret*. В эпоху хиппи, в конце 1960-х, в Нью-Йорке возникает мода носить винтажные вещи от Пуаре. Выставки его творчества собирают толпы почитателей его немеркнущего таланта. Цены на модели маэстро начинают стремительно расти вверх, коллекционеры раскупают флаконы духов «Розин», подушки и коврики от «Мартин». Лично мне удалось впервые познакомиться поближе с творчеством великого Пуаре лишь в начале 1980-х годов в Париже. Тогда была еще жива одна из дочерей Пуаре, Пьерина, она-то и позволила мне переснять уникальные фотографии из своего личного архива для подготовки моих лекций по истории моды во французской школе моды «Эсмод». Тогда я впервые увидел эти великолепные архивные материалы. Пьерина Пуаре говорила, что у нее находится и значительная коллекция русских вышивок, кокошников и платьев, привезенных ее отцом из Москвы в 1911 году. Увы, тогда финансовые возможности не позволили мне приобрести эти

экспонаты для своей личной коллекции. Но судьба распорядилась иначе, и часть из них все же попали ко мне, но много позднее.

В мае 2005 года весь мир коллекционеров модной одежды был возбужден как никогда. Причиной их съезда в Париж стала аукционная продажа огромной коллекции семьи Пуля Пуаре, перевернувшего представление о женской красоте и гармонии цветов в начале века и снявшего корсет с талии наших бабушек или прабабушек. Этой продаже (а готовилась она три года) давно ждали собиратели и музеи со всех концов света.

В течение двух дней с молотка ушло более пятисот лотов вещей из личного гардероба жены Поля Пуаре, Денизы, и их дочерей. Сегодня найти предметы с грифом отца моды XX века не так просто, а в случае везения придется выложить за них круглые суммы. Но результаты аукциона превзошли самые смелые прогнозы: предметы с грифом этого замечательно талантливого мастера стоили от 7 до 60 тысяч евро, абсолютным рекордом стало платье, стоимость которого поднялась до 100 тысяч евро. Многие модели были приобретены Парижским музеем моды во дворце Галлиера, иные попали в Нью-Йорк в Институт костюма при Метрополитен. Некоторые вещи закупили Институт костюма в Киото, Музей моды в Сантьяго де Чили и другие собрания старинной одежды развитых и цивилизованных стран.

Одна из последних выставок Пуаре прошла недавно в Нью-Йорке в Метрополитен и вызвала ажиотаж у публики, а осенью 2011 года, празднуя столетие первого визита Поля Пуаре в Россию, его вещи предстанут в залах Кремля в Москве на большой ретроспективной выставке, посвященной его творчеству. Мы верим, что и эта книга станет прекрасным подспорьем для всех ценителей моды, почитателей творчества Поля Пуаре и его эпохи.

Александр Васильев, историк моды, Москва – Париж, 2011

І. Молодость

Посвящается памяти моей матери

П. П.

Я – парижанин, из самого сердца Парижа. Я родился на улице Дез-Экю, в Первом округе, где мой отец держал суконную лавку под вывеской «Эсперанс»³. Это была узкая улочка, протянувшаяся от улицы Лувр до улицы Берже.

Лавка отца занимала первый этаж дома, вдоль всего фасада. Напротив расположились со своими лавочками мелкие коммерсанты, чьи дети заполняли улицу: затейливо причесанная торговка фруктами, эльзасский сапожник Льебенгю, столяр Фрешинье, виноторговец Мишо и мясник Бадье, позже, уже в наши дни ставший миллионером. Чуть подальше находилась фабрика засахаренных каштанов и компотов, которая благоухала на всю округу и доставляла мне несказанное наслаждение. Мне говорили, что первыми словами, какие я произнес, были «крон пупаци». Как утверждают знающие люди, этим я давал понять, что мне нужны карандаш и бумага. Таким образом, призвание художника проявилось у меня раньше, чем призвание кутюрье. Однако мои первые произведения не сохранились: по-видимому, забота и внимание окружающих затрагивали лишь меня самого.

Жизнь моя проходила в квартире матери, занимавшей второй этаж, и в лавке отца, куда мне временами разрешали спускаться. В доме у меня были друзья – кошка, собака и один старый приказчик, Эдмон, который мастерил мне нехитрые игрушки. Из четырех деревянных планок он мог сделать и тележку, и бильярдный стол; а еще он потакал моим хулиганским наклонностям, обучая обстреливать булавками служащих магазина «Лувр», миролюбивых прохожих, несших за плечами необременительный груз – связку воздушных шариков: я целился именно в шарики, они не выдерживали такой канонады и сразу же лопались.

Мать часто брала меня с собой, отправляясь за покупками.

Я очень любил ходить с ней по магазинам – мне нравился там запах пыли и духов, а еще больше нравилось бывать с ней в гостях, где я притворялся, будто занят игрой, а на самом деле упоенно вслушивался в дамские разговоры с обычными для них банальностями.

³ Надежда (фр.). – Здесь и далее прим. ред.

Поль с мамой, 1870-е годы

Меня всегда очень хорошо одевали; помню черный бархатный костюмчик, я им очень гордился; колечко, золотой ободок, в который были вделаны цветочки из бирюзинок. Однажды мы с мамой направлялись в «Базар дель Отель де Биль»⁴, и, проходя мимо террасы кафе, я положил колечко на один из столиков. Час спустя мы возвращались домой той же дорогой, я страшно удивился, не найдя колечка на том месте, куда я его положил. Когда мама узнала причину моего огорчения, то пожурила за наивность и сказала, что надо всегда остерегаться воров... Уже тогда я отличался доверчивостью, которая вредила мне в течение всей жизни.

Я не верил, что на свете бывают воры, и осознал это только сейчас. Помнится, я не отличался хорошим аппетитом, и, чтобы заставить меня съесть несколько кусочков мяса, требовались долгие, бесконечные уговоры. Отец обещал подарить мне куклу Полишинеля⁵, если я съем бифштекс. А мне до этого приглянулся один ярко раскрашенный Полишинель в витрине магазина «Детский рай», находившегося поблизости от нашего дома, и, едва успев проглотить последний кусочек бифштекса, я бросился за игрушкой и торжественно унес ее к себе.

⁴ Престижный парижский универмаг (BHV).

⁵ Французский «родственник» русского Петрушки, неисправимый болтун, совершенно не умеющий хранить секреты. Отсюда выражение «секрет Полишинеля».

Отец, 1870-е годы

Отец был добрым человеком, хотя с виду казался сухим и нелюбезным, а мать – очаровательная женщина, полная кротости и нежности, и по воспитанию и образованию она была гораздо выше людей ее круга. Я был свидетелем, как росло благосостояние моих родителей, как они радовались, покупая новую обстановку и украшая свое жилище. Все вещи, впоследствии составившее наше имущество, приобретались на выставках 1878, 1889 и 1900 годов.

Не всегда покупки бывали такими уж изящными, но в них чувствовалось стремление к совершенствованию, постепенному развитию чувства прекрасного. Культуру нельзя нажать за один день.

Короткая история из жизни лучше, чем длинное предисловие, покажет, к какому слою общества я принадлежал. У моей бабушки с отцовской стороны было девятнадцать братьев и сестер, и все дожили до почтенного возраста. Мы часто собирались по праздничным дням у самых состоятельных из родичей; большинство из них были мелкими буржуа и жили в районе Исси-ле-Мулино⁶.

Однажды – мне тогда было семь лет, но я помню все так ясно, словно это было вчера, – мне сказали, что моя тетька, мадам Поль, умирает и надо повидаться с ней в последний раз.

Меня привезли в дом дяди Поля, который сказал мне:

«Кисанька заболела, так что не шуми тут», – и провел в спальню жены. Она лежала на такой высокой кровати, что я не сразу ее увидел и разглядел только красную перину, кружевное одеяльце на ноги, вывязанное крючком, и торчащий из груды подушек длинный, острый, очень бледный нос. Меня подхватили под мышками и подняли, чтобы я мог дотянуться до тети и поцеловать ее. Она сказала какие-то противные приторные слова, что-то насчет неба, и меня опустили на пол.

В коридоре я снова встретил дядю Поля, он не знал, чем заняться, и ходил, шаркая шлепанцами, от клетки с попугаем к напольным часам и обратно. Он был уже стар и порой терял чувство реальности.

⁶ Город на р. Сене, юго-западный пригород Парижа.

Мать, 1890-е годы

Несколько дней спустя состоялись похороны. В назначенное время на бульвар Лисэ, в Исси-ле-Мулино, прибыли два десятка братьев и сестер с мужьями и женами, в рединготах⁷ и цилиндрах либо в траурных шляхах, и выстроились на краю тротуара. Затем все направились в церковь, где на передней скамье, естественно, сидел дядя Поль. Меня усадили позади него. Дядя заметно нервничал и как будто что-то искал. Он беспокойно оборачивался и махал рукой в знак приветствия всем дядям и тетям, заходившим в церковь и занимавшим места на скамьях, а потом вдруг спросил у сидевшего рядом: «Послушай, а где же Кисанька?» Рядом сидел дядя Дени, по профессии позолотчик. Ему следовало бы знать, что в некоторых обстоятельствах

⁷ Длинный сюртук широкого покроя с высоким воротником и пелериной.

надо быть поделикатнее. Но он не считал нужным позолотить пилюлю, а просто указал обеими руками на гроб и произнес: «Погляди туда!» Тут до дяди Поля дошло, зачем он здесь, и бедный старик расплакался как ребенок. Выйдя из церкви, мы вереницей двинулись за катафалком, и один старичок в рединготе спросил, как меня зовут и кто я такой.

– Я – Поль Пуаре, – ответил я.

– Так значит, ты сынок Огюста? – сказал он.

И призывая всех в свидетели, стал повторять: «Глядите-ка, это сынок Огюста!»

Все эти старички обожали отца; малая толика известности и всеобщей симпатии, какими он пользовался в этом кругу, доставалась и мне. Дядя Дени подошел ко мне и, показав на петуха на церковной колокольне, сказал: «Знаешь, это я его позолотил, а ведь там, наверху, было не слишком жарко!»

Наш загородный дом находился совсем рядом, в ближнем предместье Парижа, в Бийанкуре. Это было большое, массивное здание с огромным парком, впоследствии оно стало собственностью компании «Рено», поскольку эта семья тоже была из Бийанкура. Рено-младшие никогда не показывались гостям, приходившим к их родителям. Все знали, что они вечно пропадают в мастерской, среди всевозможных механизмов, шатунов и поршней, и мастерят свой первый мотор. Порой они случайно попадались нам на глаза, с головы до ног перепачканные маслом и смазкой, фанатичные жрецы своего идеала, угрюмые пленники идеи. Там, в Бийанкуре, я увидел первые моторные экипажи, совершавшие пробные поездки по набережным. Гуляющая публика высказала весьма строгое суждение об этих устройствах. Люди говорили: «Может быть, они очень удобные, но красивыми их никак не назовешь: спереди явно чего-то не хватает». Этим недалеким буржуа казалось, что впереди экипажа непременно должна быть лошадь. Если бы не людские предрассудки, возможно, двигатель у автомобиля поместили бы сзади, что было бы логичнее.

Помню годы, проведенные в Бийанкуре, в кипучем детском ничегонеделании, когда ты вечно занят, хоть и пребываешь в праздности, когда не знаешь, что такое скука. Но игры, занимайте меня больше всего, не были обычными для детей моего возраста.

Я воздвигал невиданные постройки, создавал фонтаны с помощью закрепленного на высоком дереве бочонка с водой. Или же, залюбовавшись геранями и бегониями, которые во множестве росли на бабушкиных клумбах, окаймляли террасы и алели посреди лужаек, я собирал яркие лепестки цветов, чтобы изготовить из них чернила или краски, но способы, которыми я пытался это сделать, были столь прямолинейными и примитивными, что все мои опыты не давали никакого результата, если не считать пятен на лице и на руках да еще непоправимо испорченной одежды.

Туристы в прогулочных костюмах в открытом шарабане, Париж, 1910-е гг.

Также я хотел извлечь аромат из роз и с этой целью помещал их в бутылки со спиртным или с газированной водой. В моем тогдашнем возрасте я не имел ни малейшего понятия о химии, измельчал их и складывал в герметически закрывающиеся коробки. Спустя время я проделывал в коробке отверстие, и оттуда распространялся ужасающий запах гнили. Я бывал сильно разочарован, но никогда не отказывался от мысли попробовать еще раз. А охотнее всего я устраивал различные праздники и увеселения, приглашал на них всю семью и предлагал шампанское собственного изготовления – жуткую мешанину из лимона, белого вина и сельтерской. Я подбирал на огороде и в саду все старые железки, привязывал к каждой ярлычок, как делают хранители, и открывал музей древностей. Рассказываю это не для того, чтобы похвастаться каким-то особыми детскими талантами, просто хочется отметить: уже тогда я интересовался тем, что впоследствии стало предметом моих исследований и увлечений. Однажды вечером я вместе с родителями поехал на открытие выставки 1889 года. Отец где-то достал приглашительные билеты. Я был вне себя от радости. Сидя у него на плечах, я увидел сказочное зрелище, которое запомнил на всю жизнь, – запуск светящихся разноцветных фонтанов. Я часто задумывался, не в тот ли вечер, когда я зачарованно глядел на это великолепие оттенков розового, зеленого и фиолетового, зародилась у меня любовь к неожиданным сочетаниям красок. Я бессилен описать восторг огромной массы людей, впервые видевших это чудо. Когда все фонтаны вдруг засияли одним и тем же, опалово-зеленоватым светом, в толпе среди полной тишины раздался голос: «Прелесть какая! Это же “перно⁸”!» – а вокруг поднялся неудержимый хохот. Это было так по-французски!

⁸ Анисовая настойка, аперитив.

Поль Пуаре в Бийанкуре, 9 лет

На выставке я увидел и другие чудеса: различные области применения электричества, фонограф и так далее... Я хотел лично познакомиться с Эдисоном⁹ или написать ему письмо, чтобы от себя поздравить и поблагодарить за то, что он сделал для человечества. Переносная

⁹ Эдисон, Томас Алва (1847–1931) – американский изобретатель. В 1879 г. создал первую пригодную для коммерческого производства лампу с угольной пылью. Создал сверхмощный электрогенератор и участвовал в сооружении и пуске первой центральной тепловой электростанции в Нью-Йорке. Всего было более 1000 изобретений.

железная дорога Дековиль¹⁰, движущийся тротуар, печатные машины Маринони¹¹, валяльные станки для производства бумаги, новые способы тканья шерсти, лионская парча – казалось, жизнь разом открыла мне все свои тайны, и я узнал все, что мне хотелось знать.

Какая прекрасная эпоха!

Затем мы всей семьей поехали в Бретань, где я так скучал, что эта поездка едва не отбила у меня охоту путешествовать на всю жизнь. На экскурсии мы всякий раз выезжали в открытых экипажах – ландо, викториях или визави, запряженных парой лошадей. Моя мать и сестра с удобством располагались на банкетке, а мужчины (отец и я) садились на откидной стульчик, обычно узкий и жесткий. С этого места мне были видны только мама и сестра с их раскрытыми солнечными зонтиками, и я мог полюбоваться пейзажем, лишь когда мы останавливались. А иногда я сидел рядом с кучером, дышал дорожной пылью и воздухом, который лошади непрерывно насыщали своими ароматами. К счастью, дорога все время шла по холмам; чтобы дать лошадям передохнуть, мы спрыгивали на землю и поднимались пешком. Я срывал цветы на обочине и собирал букеты для мамы, поскольку в то время загадочная кельтская душа еще не открылась мне и была окутана тайной.

Когда мне было двенадцать, мы переехали с узкой и грязной улицы Дез-Экю на улицу Аль. Я посещал школу Массийон, там учились мальчики, чьи родители занимали более высокое положение, чем мои, и порой я страдал, сравнивая себя с ними, особенно когда на мне были бежевые брюки, сшитые из ткани, которую, очевидно, вернул отцу какой-то недовольный покупатель. В дождь они меняли цвет и становились розово-лиловыми, и мои одноклассники приходили в восторг и показывали на меня пальцем. Мне бы посмеяться над этим, а я плакал.

У меня было три сестры. Как-то они заболели скарлатиной с осложнениями. И меня определили пансионером в школу в Массийоне, чтобы я не заразился. Я был очень ранимый и привязчивый мальчик, поэтому сильно страдал от разлуки с семьей. Мне казалось, что нигде в целом мире не может быть лучше, чем в родных стенах. Сколько грустных вечеров провел я в убогом и жалком школьном дортуаре¹², слушая горн, играющий напротив, в казарме республиканской гвардии! После отбоя я еще долго не мог заснуть и погрузился в мечты.

Мечтал ли я уже тогда о тканях и нарядах? Пожалуй, да. Меня живо интересовали женщины и их туалеты; я прилежно листал каталоги и газеты, надеясь узнать, что теперь в моде.

Я очень следил, чтобы хорошо выглядеть и, если иногда забывал умыться, никогда не забывал сменить воротничок.

Учился я посредственно и уделял больше внимания литературе, чем математике. У меня была превосходная память, в которой легко закреплялось то, что было мне интересно, а к остальному я был равнодушен. Я мог быть первым в классе по одному предмету и последним – по другому, и это никого не удивляло. Мои товарищи любили меня за бурную фантазию. Тетради у меня были полны комических рисунков, и одноклассники спорили из-за них, как читатели в библиотеке за какие-нибудь литературные шедевры.

Однажды меня пригласили на торжественный обед в праздник Карла Великого. Для меня это стало важным событием, но больше мне там бывать не пришлось. В тот день первых учеников усадили за один стол с учителями. И со мной случилась большая неприятность. Когда нам подали кролика, я взял в рот маленький шарик, который принял за каперс. Но едва я начал жевать, понял: это не что иное, как кроличий помет. Что мне делать? Выплюнуть в тарелку?

¹⁰ Дековиль – французский инженер, сконструировал в начале 1880-х гг. переносную узкоколейную железную дорогу.

¹¹ Маринони, Ипполит (1823–1904) – итальянский изобретатель нового типа скоропечатных машин, построил первую ротационную машину.

¹² Общая спальня для учащихся в закрытых учебных учреждениях.

Невозможно: мне хотелось произвести впечатление хорошо воспитанного мальчика, поразить учителей изысканными манерами за столом.

Школьные рисунки Поля Пуаре

И я, преодолевая отвращение, держал эту гадость во рту.

Я провел салфеткой по зубам, они окрасились в зеленый цвет. Я решил взять в рот кусок хлебного мякиша и проглотить все вместе. Разве была у меня другая возможность достойно выйти из положения?! Больше я не удостоился приглашения на праздничный обед, но стоит ли жалеть об этом? А некоторых моих одноклассников приглашали каждый год – Вебера, Манилева и других, чьи имена сегодня покрыты мраком забвения. Всякий раз, глядя, как они готовятся к этим пиршествам для избранных, и представляя, что их ожидает, я втихомолку посмеивался. Для меня это была команда любителей кроличьего помета.

Во мне ценили веселый характер, и на церемонии раздачи наград, когда моим родителям приходилось испытывать горькое разочарование, я вознаграждал их успехами иного рода – смешил присутствующих, произносил комические монологи, и получалось очень смело и очень забавно. Вскоре я прославился подобными выступлениями, меня захотели послушать многие, стали повсюду приглашать.

На исходе детства меня занимали три вещи – учеба, общение с друзьями и театр, которым я так увлекся, что почти каждый вечер проводил в зрительном зале. В нашей семье садились ужинать ровно в семь, и уже через три четверти часа я был у дверей «Комеди Франсез» и ждал, когда начнут пускать зрителей. Как только двери открывались, я бросался вверх по лестнице, прыгая через несколько ступенек, и занимал первое место на самом верхнем ярусе. Это был так называемый амфитеатр, а попросту – раек: входной билет стоил один франк. Там я впервые наслаждался литературой, прослушал все классические пьесы. Там, в ослепительном блеске люстры, под самым потолком, я научился разбираться в драматургии. Ах! Какие незабываемые часы я провел с Муне-Сюлли¹³, Го¹⁴, Барте¹⁵, де Фероди¹⁶, Режан¹⁷, Гранье¹⁸, Сарой Бернар¹⁹, Гитри²⁰! Я часто задавался вопросом: как теперешняя молодежь может обходиться без этих духовных радостей? Перед моими глазами всегда будет стоять сцена из «Эдипа-Царя»²¹, в которой Муне-Сюлли, играющий слепого Эдипа, спускается по лестнице храма и говорит своим чудесным голосом: «Дети старого Кадма, юное потомство...»

И сцена из «Друга Фрица»²², в которой Го протирает очки, чтобы совладать с собой и скрыть волнение.

И сцена из «Сына Жибуайе»²³, в которой де Фероди роняет трубку на ковер в гостиной и говорит: «Никогда больше не стану вывозить тебя в свет!»

¹³ Муне-Сюлли, Жан (1841–1916) – выдающийся французский актер, работал в «Комеди Франсез», один из крупнейших трагиков своего времени, кавалер ордена Почетного легиона. Лучшие роли – Гамлет и др.

¹⁴ Го, Франсуа Жюль Эдмон (1823–1901) – французский актер, работал в Theatre francais, замечательный комик. Лучшие роли – Фигаро, Сганарель, Триссотен и др.

¹⁵ Барте, Юлия (1854–1941) – французская трагическая актриса. Лучшие роли – Антигона и др.

¹⁶ Фероди, Морис де (1859–1937) – французский актер и автор песен, выступал на сцене «Комеди Франсез» с 1880 года, прославился исполнением главной роли в пьесе «Бизнес есть бизнес», которую сыграл более 1200 раз в течение 30 лет сценической карьеры.

¹⁷ Режан, Габриель (1856–1920) – французская актриса, на сцене с 1878 г. В 1906 г. создала «Театр Режан» (Париж). Развивала принципы реалистической школы. Прославилась исполнением роли Норы («Кукольный дом» Г. Ибсена).

¹⁸ «Гранье, Жанна (1852–1939) – французская опереточная актриса, первая исполнительница главной роли в оперетте Ш. Лекока «Жирофле-Жирофля».

¹⁹ Бернар, Сара (1844–1923) – французская актриса, одна из самых прославленных в истории театра. Работала в «Комеди Франсез», много гастролировала.

²⁰ Гитри, Саша (1885–1957) – французский актер, драматург, режиссер, продюсер.

²¹ Трагедия Софокла.

²² Опера П. Масканы (1891), лирическая комедия.

²³ Комедия Э. Ожье (1904/1905).

И Барте в «Антигоне»²⁴, в сборчатом одеянии из белого муслина, таком чистом и целомудренном: его подол оказывался словно бы в тени – таков был причудливый эффект огней рампы.

И Сара Бернар в «Жисмонде, принцессе Востока»²⁵.

И де Макс²⁶, в роли епископа раннехристианской эпохи, в шапочке кораллового бархата, отороченной горностаем...

Ах! Театр Сарду²⁷, Наведана²⁸, Брие²⁹, Капю³⁰, Флера³¹ и Кайаве^{32 33}, Мориса Донне¹¹ – что мы получили взамен всего этого?

Я помню чудесные абонементные спектакли в «Жимназ» и «Водевиле»³⁴, когда вся буржуазия и весь финансовый мир

Парижа смотрели «Гуляк»³⁵, «Славных деревенских жителей»³⁶ или «Любовников»³⁷. В то время женщины в партере сидели в шляпах: это были маленькие матерчатые шляпки, иногда с завязками под подбородком, увитые яркими цветами, пармскими фиалками или геранью. И партер выглядел как огромная клумба. На рукавах платьев были буфы с прорезями и вставками из другой ткани, а во время антрактов в фойе шуршащие юбки подметали паркет рюшами и воланами, которые, впрочем, так и назывались – метелки.

²⁴ Трагедия Софокла.

²⁵ Пьеса В. Сарду (1894).

²⁶ Макс, Линдер (наст. имя Габриель Максимилиан Лавьель) (1883–1925) – французский актер, один из крупнейших мировых кинокомиков. Играл в парижских театрах «Амбигю комик» и «Варьете».

²⁷ Сарду, Викторьен (1831–1908) – французский драматург, царивший на французской сцене периода Второй империи. Его комедии нравов долгое время считались образцом безупречной пьесы.

²⁸ Лаведан, Анри (1859–1940) – французский сценарист, драматург, романист. С 1898 г. член Французской академии. Писал пьесы для «Комеди Франсез». В 1907 г. становится во главе кинокомпании «Фильм д'ар».

²⁹ Брие, Эжен (1858–1932) – французский драматург, стремился создать «полезный» театр, освещал в мелодрамах социальные проблемы.

³⁰ Капю, Альфред (1858–1922) – французский писатель.

³¹ Флер, Робер де (1872–1927) – французский журналист и драматург, один из популярнейших мастеров легкой комедии.

³² Кайаве, Гастон Арман (1869–1915) – французский драматург, написал несколько пьес с Р. Де Флером.

³³ Донне, Морис (1859–1945) – французский писатель, драматург, член Французской академии с 1907 г.

³⁴ Парижские театры.

³⁵ Пьеса по роману маркиза де Фудраса (1800–1872), автора многочисленных романов из великосветской жизни.

³⁶ Пьеса В. Сарду (1866).

³⁷ Пьеса «Блистательные любовники» Ж.-Б. Мольера (1670).

Сара Бернар, 1890-е гг.

Видел я и турнюры³⁸, о коих мог бы сказать словами Франсуа Копие³⁹: «...А мне это не показалось таким уж смешным».

Разве женщины не вправе носить все что угодно, и разве они не владеют секретом, который делает их красивыми.

Две модели с турнюрами, 1874

Эти конструкции назывались «скамеечками», сверху их прикрывал ворох тканей, искусно отделанных, заложённых складками, присборенных великими мастерами той поры, и, несмотря на внушительные размеры, турнюр не казался тяжелым. Вдобавок из-под всего этого

³⁸ Юбка на каркасе, пышная сзади. Эффект пышности достигался с помощью специальной подушки, которую подкладывали под платье сзади, ниже талии.

³⁹ Копье, Франсуа (1842–1908) – французский поэт, драматург, прозаик, с 1884 г. член Французской академии.

нагромождения выглядывала ножка, такая прелестная, так изящно ступающая в туфельке из золотисто-коричневого шевро⁴⁰, что устоять перед ее очарованием было невозможно. Я видел шляпы, ловко сидевшие на высоких прическах, невесомые, словно бабочки, невзирая на обилие украшений: вот какую сноровку обретают художники, когда работают на женщин.

В те времена несколько раз в год проходили торжественные церемонии, где показывались все новинки тогдашней моды.

Я имею в виду вернисажи, сегодня полностью или почти полностью вышедшие из практики. Я увлеченно следил за этим. Там можно было увидеть не только учеников живописцев, бегавших со стремянками и ведерками лака, но также их моделей, поклонниц и заказчиц, и во всем этом мире царили стремление к изысканности и снобизм, которые сами по себе становились кухней моды. Я часто бывал на художественных выставках, пытался распознать среди живописцев тех, кому завтра предстоит стать мастерами. Клерен⁴¹ и Бугро⁴², как мне казалось, давно отжили свое, Каролуса-Дюрана⁴³ я находил старомодным, Бонна⁴⁴ – помпезным. Мои суждения считались в семье ниспровергательскими и пугающе независимыми. Я восхвалял картины Коро⁴⁵, в то время начинающего художника, и мне нравились импрессионисты.

Каждый вечер, отправляясь по реке в Бийанкур, я встречался на лодке с художниками и, слушая их разговоры, убеждался в собственной правоте. Среди прочих там бывал Роден⁴⁶ – маленький, кряжистый полубог с окладистой бородой, возвращавшийся на речном трамвайчике в свой дом в Мёдоне. Путь от Пон-Руаяля до станции занимал час – время блаженного отдыха для того, кто на этом скромном суденышке возвращался домой после парижской суеты. Виадук в Отее, высокие берега Мёдона, солнце, заходящее за Обсерваторией⁴⁷, – все это и сейчас складывается в моем воспоминании в какую-то умиротворяющую, целительную гармонию.

⁴⁰ Кожа хромового дубления, выделанная из шкур коз. Лучшие виды получают из шкур молодых козлят молочных пород.

⁴¹ Клерен, Жорж (1843–1920) – французский художник-портретист и декоратор.

⁴² Бугро, Адольф Вильям (1825–1905) – французский живописец, крупнейший представитель салонной академической живописи, автор картин на исторические, мифологические и библейские сюжеты.

⁴³ Каролус-Дюран (наст. имя Шарль Эмиль Огюст Дюран) (1838–1917) – французский живописец, представитель академической школы.

⁴⁴ Бонна, Леон Жозеф Флорантен (1833–1922) – французский живописец, коллекционер, писал картины на исторические и религиозные сюжеты, но более известен как портретист.

⁴⁵ Коро, Жан Батист Камиль (1796–1875) – французский художник-пейзажист.

⁴⁶ Роден, Франсуа Огюст Рене (1840–1917) – французский скульптор, один из основоположников импрессионизма в скульптуре.

⁴⁷ Имеется в виду аэродинамическая лаборатория Г. А. Эйфеля в Отее.

Поль Пуаре, 1898

У моего отца была маленькая лодка, которую он называл «Микроб». Мы часто отправлялись на прогулку по реке или на рыбалку. Однажды он пригласил покататься месье Мору, знаменитого в то время гравера, и взял с собой меня. По пути мы остановились в маленьком ресторанчике, где нас ожидал сюрприз. Мы услышали, как поет за работой судомойка. У нее оказался дивный голос, я до сих пор помню волнение, которое испытал тогда. Месье Мору несколько раз приезжал туда, чтобы послушать ее пение. Он убедил девушку, что ей нужно

развивать голос, подыскал ей учителя и устроил в консерваторию. И она стала великой Дельна, блиставшей в «Осаде мельницы»⁴⁸, «Фальстафе»⁴⁹ и других знаменитых операх.

В годы, предворявшие выставку 1889 года, мы каждое утро и вечер из нашей лодки следили, как растет Эйфелева башня, и обсуждали увиденное.

Мне было нелегко закончить школу: отвлекали всевозможные развлечения и нетерпеливое желание поскорее изведать все радости жизни. В восемнадцать лет я получил степень бакалавра, и мой отец, видя, что я хочу самостоятельно выбрать себе дорогу в жизни, с испугу отдал меня в учение к одному своему приятелю, фабриканту зонтов. Это стало для меня тяжелым испытанием. Не могу без грусти вспоминать унылый дом этого зонтичного фабриканта, дурака из дураков. Сколько тоскливых дней я провел там, вытирая пыль с кусков шелковой ткани темных цветов и перенося их из одного помещения в другое! Передавая меня на попечение этому человеку, отец сказал: «Имейте в виду, он парень самолюбивый, с задатками гордеца. Надо его обломать, я хочу, чтобы он учился всему с самого начала». В итоге я там учился подметать, и мой хозяин со злорадством наблюдал, как молодой бакалавр, которому он втайне завидовал, орудует перьевой метелкой. Мне поручали самую грязную работу, например замазывать зонты. Уверен, вы не знаете, что это такое. Сейчас объясню: когда зонтик готов, в шелке, если только он не безупречного качества, видны крохотные дырочки – это изъян, возникающий при тканье. Целый день с утра до вечера я открывал зонты и, обмакнув кисточку в черный клей, замазывал эти прорехи.

⁴⁸ Опера А. Бюно на сюжет Э. Золя (1893).

⁴⁹ Опера Д. Верди по пьесам У. Шекспира (1893).

Поль Пуаре в молодости, 1900-е годы

Разумеется, я только и думал, как бы мне отвертеться от этого занятия. Впрочем, мне давали такую возможность: посылали отнести готовые зонты в магазины «Бон Марше», «Лувр» и «Труа Картье». Я шел через весь город, одетый в спецодежду, с тяжелым свертком зонтов на плече.

Вам уже ясно, зачем меня заставляли пройти через все это: надо было сломить мою гордость. Но, похоже, опыт не удался, гордость и по сей день при мне. Я ненавидел и презирал моего хозяина, который не понимал, какую пользу могли бы принести ему мои сила, способности и желание работать. Я с отвращением смотрел, как он пишет письма, полные орфографических ошибок, и все время мечтал как-нибудь надуть его и вырваться из-под власти. Я тайком подбирал кусочки шелка, падавшие на пол при кройке зонтов, и вскоре у меня собралась целая коллекция обрезков, которые помогали моим мечтам принимать зримый облик и питали надежды на будущее. Вечером, вернувшись домой, я уходил в свою комнату и принимался воображать великолепные туалеты, наряды из сказки. Сестры подарили мне маленький деревянный манекен, высотой в сорок сантиметров, и я накалывал на этот манекен кусочки шелка и муслина из моей коллекции. Какие чудесные вечера я проводил в обществе этой куклы, я превращал ее то в пикантную парижанку, то в восточную императрицу!

А еще я рисовал причудливые туалеты. Это были не проработанные эскизы, а беглые зарисовки тушью, но я помню, что в них всегда был четко виден замысел, всегда присутствовали какая-нибудь оригинальная деталь и нечто такое, что притягивало к себе внимание. Однажды, поддавшись на уговоры одного предприимчивого друга, я принес эти рисунки мадам Шеруи, совладелице модного дома «Сестры Раудниц»⁵⁰. Рисунки имели успех, и мадам Шеруи⁵¹ захотела сейчас же познакомиться со мной, вызвала из темного коридора, где я дожидался ее решения, и ввела в свой кабинет. В жизни не видел ничего более волнующего, чем эта красивая женщина, одетая и причесанная с поистине неподражаемой элегантностью. Она была такой, какой запечатлел ее резец гравера Эллё: в облегающем темно-синем платье с очень высоким воротом, который повторял очертания подбородка и доходил до самых ушей. Из этого футляра выглядывал тоненький белый рюш, окаймлявший снизу лицо. Волосы были скручены в жгуты и уложены на затылке, а надо лбом вздымались волной, взбитой так искусно, что она полностью затеняла темно-голубые глаза хозяйки. Думаю, мадам Шеруи даже не представляла, какое неотразимое впечатление произвела на тощего юнца, предложившего ей свои работы. Работы, конечно, были далеки от ее уровня, но она оценила их очень высоко. Она купила мои рисуночки по двадцать франков за штуку и попросила, чтобы я принес еще. Рисунков было двенадцать, то есть я получил огромную для меня сумму. Теперь мне не надо было таскаться пешком через весь Париж с грузом зонтиков: когда мне опять прикажут доставить товар, я повезу его в фиакре. Я чувствовал, как во мне рождается тяга к независимости и жажда освоения.

⁵⁰ Знаменитый парижский Дом Высокой моды начала XX в. Прославился первоклассной клиентурой, отличным качеством шитья и тягой к стилю модерн. – *Прим. А. Васильева.*

⁵¹ Позднее Шеруи создала свой Дом моды «Мадлен Шеруи» на Вандомской площади (1903–1935); славился элегантным и изысканным стилем. После его закрытия в 1935 г. в этом помещении открыла свой Дом моды Эльза Скиапарелли. – *Прим. А. Васильева.*

Актриса Габриель Режан в вечернем платье работы Дома моды «Жак Дусе», Париж, 1900-е гг.

Я стал регулярно предлагать свои работы знаменитым модным домам, таким как Дусе⁵², Ворт⁵³, Руфф⁵⁴, Пакен⁵⁵, Редферн⁵⁶. Получить туда доступ было нелегко, ведь я конечно же сильно отличался от служащих этих домов. С первого взгляда становилось ясно, что я не из этой среды, но когда меня узнали получше, стали охотно принимать повсюду. Я чувствовал, как у заказчиков пробуждаются уважение и интерес ко мне.

⁵² Дусе, Жак (1853–1929) – парижский кутюрье. В 1875 г. открыл свой Дом моды, основой которого стала небольшая лавка модных женских аксессуаров его деда, открытая в 1815 г. Специализировался на вечерних платьях из атласа и шелка. Коллекционер, собрал ценную коллекцию живописи и предметов прикладного искусства XVIII в.

⁵³ Ворт, Чарльз-Фредерик (1825–1895) – создатель Высокой моды, первым использовал манекенщиц для примерок, в 1868 г. создал Синдикат Высокой моды, объединивший салоны, где одевались высшие круги общества.

⁵⁴ Руфф, Магги (наст. имя Маги Безансон де Вагнер) (1896–1971) – французская создательница мод, основательница успешного парижского Дома моды (1929–1965). Автор книг, в том числе «Философия элегантности». – Прим. А. Васильева.

⁵⁵ Пакен, Исидор (1869–1936) – французская создательница мод, глава известной парижской фирмы, основанной в 1892 г., первая женщина среди модельеров высшего класса получила орден Почетного легиона.

⁵⁶ Редферн, Джон (1835–1929) – английский кутюрье, в 1881 г. открыл свой Дом моды в Лондоне и Париже, позднее в Нью-Йорке и Эдинбурге. В 1888 г. стал портным королевы Виктории. Дом специализировался на спортивных платьях для путешествий и верховой езды.

Чарльз-Фредерик Ворт в 1890 г. Фото Надара

Однажды (это было в 1896 году) месье Дусе предложил мне работать только на него, а не пристраивать свои эскизы куда придется. Он взял меня в свой Дом моды и стал покупать все мои работы. Когда я сообщил об этом отцу, он сказал, что этого не может быть: до какой степени он не понимал моего призвания и не верил в мой успех! Отец захотел сопровождать меня к месье Дусе, согласно тогдашней традиции, которая требовала, чтобы работника представляли нанимателю его родители. Хорошо помню, как мы с отцом явились к Дусе, в его изысканно обставленный дом на улице Виль-л'Эвек. Какое ошеломляющее впечатление произвел на меня мой будущий хозяин!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.